

Эмилий МЕТНЕР

Маленький юбилей одной «странной» книги

(1902—1912)

Весною 1902 года вышло в свет произведение неизвестного автора под необычным заглавием «Драматическая симфония». Впрочем, загадочным прозвучало и самое имя автора *Андрей Белый*, а издание книги в «декадентском» «Скорпионе» довершило в глазах читающей публики характеристику этого странного явления на литературном небосклоне. Несмотря, однако, на причудливость, *симфония* была распродана, прочитана, рецензирована (одними — в качестве курьеза, другими — в качестве... пасквиля) и спрятана в книжные шкапы. Почти никто не понял, о чем она пела, не предчувствовал того, что могло значить ее формальное устремление для будущего, не предвосхищал в ней строф «Пепла» и «Урны», страниц «Серебряного голубя», литературных портретов «Арабесок» и «Луга зеленого», наконец, самых теорем «Символизма»...

После *драматической* Андреем Белым было написано еще три симфонии. Последняя из них — «Кубок метелей» — довела гениально созданные приемы до головокружительной виртуозности, до микроскопической выработки самых утонченных подробностей, до своего рода словесного хроматизма и энгармонизма; до магически действующих полутонов и полутеней, которые то сгущаются в невиданные краски и уплотняются до осязательных натуралистичных образов, то ускользают вовсе с поля зрения и своими метаморфозами стирают даже для самого зоркого ока границу между миром повседневной действительности и миром потусторонним... Четвертая симфония есть то, что немцы называют *Kabinetstück**; ее надо внимательно изучать, как философскую систему или трактат по математике; кажется, ее надо выучить наизусть, чтобы вполне оценить ее грандиозную и в то же время кружевную

* произведение для узкого круга (нем.).

структуру и, овладев последнею, пробиться к идее с ее темами и понять необходимость их сложного развития...

Недаром сам автор в предисловии недоумевает, «есть ли предлагаемая *симфония* художественное произведение или документ состояния сознания современной души, быть может любопытный для будущего психолога?»

С точки зрения симфонизма Андрея Белого «Кубок метелей», конечно, наиболее совершенная и роскошная постройка: очевидно, в этом направлении не только нельзя слово вытягивать и изгибать еще дальше (и необходимости в этом нет), но невозможно и такое же повторное орудование (конечно, на другие темы и с другими настроениями). Словесная симфония дошла до своей грани и, как целое, она возможна еще, пожалуй, в том случае, если ее «изобретатель» вернется к простоте своих первых двух симфоний; но самый симфонизм как прием, более или менее ярко использованный Андреем Белым в отдельных местах других произведений, конечно, неистощим...

Вот почему «Симфония драматическая», как первый в литературе и притом сразу удавшийся опыт нового формального творчества, надолго сохранит свою свежесть, и год издания этой первой книги Андрея Белого должен быть отмечен не только как год появления на свет его музыки, но и как момент рождения своеобразной поэтической формы. А те немногие, которые не ограничились в свое время тем, что отметили оригинальную и упрямую выдержанность формы, но схватили и символическое целое симфонии, конечно, никогда не в состоянии забыть ее «беспредметной нежности»; для них «золотая зорька», показавшаяся на вечернем горизонте весеннего неба в 1902 году, никогда не может погаснуть, ибо она вечно возвращается в душу того, кто раз «бесцельно сгорал» в ее «закатном блеске», и не затмит ее никакой свет будущих творений созревшего таланта; год будет уходить в вечность за годом, а песня, спетая ровно десять лет назад, будет напоминать о себе немолчно звучащим мотивом:

«И опять была юная весна. Внутри обители высился розовый собор с золотыми и белыми главами...

Шумели деревья над одинокими покойниками.

Это было царство застывших слез.

И опять, как и год тому назад, у красного домика цвела молодая яблоня белыми душистыми цветами.

Это были цветы забвения болезней и печалей, это были цветы нового дня...»

